

Глаголев С. С. Религия и наука в их взаимоотношении к наступающему XX-му столетию: [Вступительные чтения по Введению в богословие в Московской Духовной Академии] // Богословский вестник 1900. Т. 1. № 1. С. 37–74 (3-я пагин.).

РЕЛИГИЯ И НАУКА

въ ихъ взаимоотношеніи къ наступающему XX-му столѣтію ¹⁾.

Какъ около религій всегда ютятся нежелательшыя приросты—суевѣрія, заблужденія; такъ и около того зерна истины, которое постепенно растетъ, какъ результатъ научныхъ изысканій, всегда бываетъ много шелухи—ошибочныхъ гипотезъ, преждевременныхъ обобщеній. Трудно избѣгать ихъ, но нужно стараться избѣгать ихъ по возможности. Подобныя заблужденія часто бываютъ для вѣры камнемъ претканія и соблазна, однако, мнѣ думается, что корень зла и принципъ раздѣленія кроется не въ нихъ: не научныя изысканія—естественно-историческія, историческія и историко-филозофскія—отталкиваютъ человѣка отъ религій: нѣтъ, есть нѣкоторый prius, который отводитъ его отъ нея и для котораго въ наукѣ пытаются искать опоры уже послѣ того, какъ вопросъ объ истинности религій безповоротно рѣшенъ отрицательнымъ образомъ. Многіе писали и пишутъ доселѣ, что человѣкъ отрицаетъ религіозную истину во имя нравственныхъ побужденій. Нравственные люди исповѣдуютъ религію и безнравственные отрицаютъ ее. Такое объясненіе, безъ сомнѣнія, лестно для самолюбія религіозныхъ людей, но, будучи лестнымъ, оно часто оказывается неправильнымъ. На эшафотѣ погибало и на каторгѣ работаетъ множество людей которые искренно вѣруютъ въ Бога и преступленія которыхъ

¹⁾ *Примѣчаніе отъ редакціи для новыхъ подписчиковъ:* Предлагаемая статья представляетъ собой окончаніе вступительныхъ лекцій проф. Глаголева, напечатанныхъ въ Ноябрьской и Декабрьской книжкахъ Б. В. 1899 года, но по самостоятельности и законченности своего содержанія она можетъ быть съ пользою прочтена и въ связи съ прежде напечатаннымъ.

ужасны. Вѣдь, и диаволь вѣруеть и трепещеть. Наоборотъ, не встрѣчались ли каждому изъ насъ люди которымъ мы могли довѣряться вполне и на слово которыхъ мы могли вполне рассчитывать, и однако религіозныя убѣжденія этихъ людей были очень сомнительны, чего они и вовсе не думали скрывать. Служеніе лжи и злу можетъ соединяться съ твердымъ убѣжденіемъ и непоколебимою вѣрою въ существованіе высшей правды, и наоборотъ, сомнѣніе въ существованіе высшей правды иногда можетъ закрадываться въ сердце человѣка, который самъ былъ бы очень не прочь честно служить ей.

Отчего это такъ? Отчего одинъ не имѣеть вѣры, хотя и имѣеть въ себѣ повидимому образъ Божій, другой имѣеть вѣру, хотя живетъ вопреки ея основнымъ требованіямъ? Въ нѣкоторой мѣрѣ, думаемъ, можно дать отвѣтъ на этотъ вопросъ. Что такое вѣра? Полагаемъ, ее можно опредѣлить такъ: *вѣра есть знаніе внутренняго опыта*. Вѣра не есть знаніе выводное, какъ знаніе научное, она есть знаніе непосредственное. Молясь Богу, человѣкъ ощущаетъ въ себѣ Его воздѣйствіе. Въ своей жизни, на себѣ человѣкъ испыталъ силу, воздѣйствующую на него чрезъ церковь въ таинствахъ, преподаваемыхъ ему церковью, въ ея обрядахъ и отсюда онъ получилъ непоколебимое завѣреніе, что православная церковь есть истина. Онъ воспринялъ въ себя эту истину, онъ ощутилъ ее въ себѣ непосредственно. Пусть онъ не знаетъ подробностей православнаго ученія, не умѣеть перечислить вселенскихъ соборовъ и на вопросъ, сколько книгъ священнаго писанія, отвѣчаетъ такъ, какъ отвѣтилъ на нашей памяти одинъ ученикъ низшей школы: безчисленное множество. Пусть все это такъ. Но святость этихъ книгъ, спасительность опредѣленій вселенскихъ соборовъ онъ можетъ чувствовать сильнѣе и глубже чѣмъ самый ученый богословъ. Шлейермахеръ сказалъ: религіозенъ не тотъ, кто вѣритъ въ священныя книги, а тотъ, кто еслибы явилась нужда, могъ самъ бы написать таковыя. Шлейермахеръ не правъ. Религіозный человѣкъ можетъ и не умѣть писать. Я думаю, что религіозенъ тотъ, кто чувствуетъ святость священныхъ книгъ. Чувствуетъ святость ихъ тотъ, для кого эти книги являются дѣйствительно проводникомъ благодати. Образное выраженіе, что „изъ священнаго писанія льются

струн благодатнаго ученія“ представляет собою описание того факта, что изъ св. писанія при его чтеніи исходитъ сила очищающая, освящающая и возвышающая сердце человека. Въ вѣрѣ истина непосредственно воспринимается человѣческимъ духомъ, вѣра есть непосредственное знаніе, она есть вѣдѣніе и, какъ таковая, вѣра и можетъ и должна имѣть гораздо большую твердость, чѣмъ знаніе. Относительно точности и правильности нашихъ познаній у насъ постоянно должны возникать законныя сомнѣнія: правильно ли были произведены наблюденія, точенъ ли опытъ, не допустили ли мы какихъ либо промаховъ и ошибокъ въ нашемъ разсужденіи? можетъ быть отъ нашего вниманія ускользнули нѣкоторыя стороны вопроса, и въ результатъ у насъ явилась ложь вмѣсто истины. Исторія математики показываетъ намъ, что нѣкоторыя невѣрныя теоремы (о площадяхъ въ древнемъ Египтѣ о логарифмахъ отрицательныхъ величинъ въ новѣйшее время, о возможности рѣшенія уравненій выше четвертой степени и т. д.) держались и считались истинными въ теченіе долгаго времени. Это—въ области наименѣе сложной изъ наукъ и притомъ такой, гдѣ выводы получаемые путемъ дедуктивнымъ, обыкновенно можно провѣрять путемъ опытнымъ. И тамъ оказываются возможными подобныя заблужденія. Понятно, что въ вопросахъ болѣе сложныхъ область заблужденій должна быть шире и сильнѣе. Отсюда посредственное или опосредствованное знаніе, т. е. знаніе приобрѣтаемое путемъ наблюденій и умозаключеній не можетъ представляться въ нашихъ глазахъ имѣющимъ непоколебимую твердость и истинность. Въ области вѣры нѣтъ такихъ могущихъ ввести въ заблужденіе посредствующихъ элементовъ—обманывающихъ чувствъ, ошибочно умозаключающаго разсудка. Божественная сила непосредственно воспринимается вѣрующимъ духомъ и сама подаетъ ему своимъ воздѣйствіемъ завѣреніе въ своей абсолютной истинности. Апостолъ опредѣляетъ вѣру такъ: „вѣра есть осуществленіе ожидаемаго и увѣренность въ невидимомъ“ (Евр. XI, 1). Въ видимомъ нельзя быть твердо увѣреннымъ, вѣрить можно только въ невидимое. Только на Бога можно возлагать непоколебимое упованіе, нельзя безусловно полагаться ни на людей, ни на свои силы, ни на свои средства. На Навуходоносора безъ сомнѣнія полагались многіе, и онъ

крѣпко вѣрить въ свои силы, но онъ сошелъ съ ума и не могъ пользоваться тѣми средствами, которыми располагалъ, не могъ служить не только другимъ, но и себѣ. Вѣрить можно только въ высшее, только въ невидимое, потому что видимое измѣнчиво, непостоянно, несовершенно. Если мы говоримъ, что мы вѣримъ въ такихъ то людей, въ свѣтлое будущее такого то народа, то ни мы сами не выдаемъ и другіе не принимаютъ нашей вѣры за имѣющее неперемѣнно осуществиться пророчество. Все можетъ оказаться совѣтъ не такимъ, какъ предполагала наша вѣра.

Такъ какъ религіозная вѣра по нашему опредѣленію есть непосредственное знаніе, знаніе непосредственнаго опыта, то, слѣдовательно, она предполагаетъ собою непосредственное воздѣйствіе Божественной силы на человѣка. Этимъ объясняется, что человѣкъ не можетъ самъ повѣрить, если и захочетъ, но можетъ только стремиться къ тому, чтобы повѣрить. Изъ этого мы можемъ понять и тотъ фактъ, что вѣра иногда не совпадаетъ съ нравственными качествами людей. Христіанскія дѣти получаютъ вѣру съ св. крещеніемъ и эту вѣру они сохраняютъ иногда, не смотря на всѣ невзгоды жизни, на всѣ свои паденія. Иногда эта вѣра у нихъ очень рано исчезаетъ подъ воздѣйствіемъ неблагопріятныхъ антирелигіозныхъ условій. На западѣ, наприм., во Франціи нѣкоторымъ даже и въ дѣтствѣ не приходится имѣть радостей подаваемыхъ религіозною вѣрою. Тамъ принадлежность къ религіи необязательна, и родители, говоря, что не желаютъ стѣснять религіозной совѣсти своихъ дѣтей, а на самомъ дѣлѣ потому что сами не имѣютъ никакой религіи, не даютъ своимъ дѣтямъ никакого религіознаго воспитанія и предоставляютъ самимъ по достиженіи зрѣлаго возраста избирать религію. Но какъ бы ни было, вслѣдствіе какихъ бы обстоятельствъ человѣкъ ни оказался не имѣющимъ вѣры, разъ онъ ея не имѣетъ, то ученіе вѣры легко должно оказаться въ радикальномъ противорѣчій со всѣмъ тѣмъ, что онъ имѣетъ. Въ дѣлѣ изслѣдованія дѣйствительности, въ дѣлѣ пошманія явленій онъ привыкъ руководиться принципомъ, что все естественно, что всякое явленіе имѣетъ свою причину, что строй міра, который онъ знаетъ, есть всегдашній и всеобщій. Онъ привыкъ жить этимъ міросозерцаніемъ. Когда ему начинаютъ излагать религіоз-

ное учение, онъ прежде всего видитъ несогласимость его съ признаваемыми имъ принципами и со многимъ такимъ, чему онъ усваивалъ имя факта, и онъ отвергаетъ религіозную вѣру, какъ грубую иллюзію, какъ обманъ и какъ тормазъ свободнаго научнаго развитія.

Обязанность вѣрующихъ выяснитъ невѣрующимъ, что вѣра вовсе не есть тормазъ свободнаго научнаго развитія или что она настолько же является такимъ тормазомъ, насколько имъ является истина, Вѣра не стѣсняетъ изслѣдованія, но освѣщаетъ его. Примѣръ можетъ разъяснить это. Положимъ, что я знаю съ несомнѣнностію, что въ дали, въ которую я всматриваюсь, стоитъ замокъ. Мнѣ извѣстна его архитектура, я знаю хорошо мѣстность, въ которой онъ расположенъ, но вотъ, картина, фонъ, которые рисуются моимъ глазамъ, оказываются не отвѣчающими моему знанію, не согласующимися съ нимъ. Я знаю съ несомнѣнностію дѣйствительное положеніе замка, и поэтому я заключаю, что мои глаза ошибаются. Однако на основаніи этого заключенія я долженъ не отвергать показаніе глазъ, а изслѣдовать причину ошибки—что доставляетъ моему зрѣнію картину несогласную съ дѣйствительностію. Какъ, въ житейскомъ опытѣ (туманъ можетъ быть измѣнилъ очертанія замка), такъ, въ наукѣ (вычисленія наприм., оказываются не согласующимися съ опытомъ), такъ и въ отношеніяхъ науки и вѣры. Научныя открытія оказываются стоящими въ противорѣчій съ истинами вѣры. Не нужно спѣшить отвергать эти открытія во имя вѣры, нѣтъ, ихъ нужно изслѣдовать. Нужно много и долго подумать—противорѣчатъ ли они вѣрѣ дѣйствительно и не могутъ ли они быть съ нею примирены въ какой либо высшей правдѣ? Религіозная вѣра—не табу и не тормазъ, она есть непосредственная истина и поэтому она есть непогрѣшимый коррективъ знанія, но дѣло въ томъ, что мы можемъ погрѣшать въ пользованіи этимъ коррективомъ, можемъ смѣшивать съ истиною свое пониманіе истины, которое можетъ быть совершенно ошибочнымъ и которое можетъ заставить отвергнуть насъ дѣйствительную истину. Это возможно. Но невѣрующіе мыслители должны знать, что и въ наукѣ нерѣдко истина отвергалась во имя заблужденія, которое ошибочно принимали за истину: во имя теоріи истеченія въ оптикѣ долго отвергали теорію волненія; во имя

предвзятого убѣжденія, что камни не могутъ падать съ неба, долго отвергали факты ихъ паденія. Но теорія волненія несомнѣнно ближе къ истинѣ, чѣмъ теорія истеченія, не согласующаяся фактами и теперь совсѣмъ отвергнутая. Камни, упавшіе съ неба, теперь можно видѣть во всѣхъ минералогическихъ музеяхъ Европы. Въ этихъ случаяхъ ложь, прокравшаяся въ науку, дѣйствительно была тормазомъ для развитія послѣдней. Но ученіе вѣры можетъ служить тормазомъ только въ научныхъ изысканіяхъ невѣрующаго ученаго. Положимъ человѣку крѣпко вѣрующему въ Бога, многократно чувствовавшему Его благодатную близость къ себѣ, химикъ скажетъ, что міровое вещество вѣчно, и что слѣдовательно нѣтъ Бога творца. Для нашего вѣрующаго лица несомнѣненъ фактъ, что химикъ заблуждается, но завсѣмъ тѣмъ вѣрѣ этого лица, конечно, не представится преступнымъ, а скорѣе—самымъ разумнымъ вмѣсто того, чтобы голословно отвергать гипотезу химика, напередъ изслѣдовать и взвѣсить, что привело химика къ его ложному предположенію. Нашъ вѣрующій мыслитель и станетъ изслѣдовать доводы и соображенія химика. Для невѣрующаго же религія есть непремѣнно тормазъ. Въ своихъ попыткахъ открыть истину онъ обращается ко всевозможнымъ гипотезамъ. Ему говорятъ, что такія то предположенія его не могутъ быть допущены, ибо они противны религіи. Онъ возмущается этимъ, говоритъ, что его стѣсняють, что можетъ быть въ a priori отвергаемыхъ предположеніяхъ и заключается истина. Ученый вѣрующій никогда не допуститъ этихъ предположеній, потому что они стоятъ въ противорѣчій съ несомнѣнными для него истинами и онъ отвергаетъ эти предположенія все равно, какъ мы отвергаемъ предположеніе что $2 \times 2 = 5$. Вѣра есть авторитетъ только совершенно такой же, какъ и истина, но авторитетъ истины можетъ стѣснять только лжецовъ, задача свободнаго изслѣдованія состоитъ въ томъ, чтобы найти истину и подчиниться ей. Счастливъ человѣкъ, который уже въ себѣ самомъ обрѣлъ высшую истину, она не можетъ стѣснять его, но своимъ свѣтомъ будетъ освѣщать ему путь исканія тѣхъ истинъ, которыя здѣсь на землѣ ищетъ все человѣчество.

Вѣра не стѣсняетъ разума человѣка, какъ не стѣсняетъ

и его совѣсти, не стѣсняеть дотолѣ, пока онъ не уклонится отъ истины и добра. Но если онъ захочеть уклониться отъ нихъ, она обличитъ его. Назвать вѣру стѣсняющимъ началомъ можно лишь въ той мѣрѣ, въ какой является для человѣка его совѣсть, удерживающая его отъ зла, или въ какой мѣрѣ стѣсняющимъ началомъ являются для человека послѣдствія его ошибокъ. Медикъ рѣшилъ своимъ разумомъ, что такое то лѣкарство исцѣлитъ больного, онъ далъ его больному и послѣдній умеръ. Развѣ этотъ медикъ имѣеть право порицать законы природы за то, что они стѣсняють просторъ его воображенія? Но вѣра не стѣсняеть вѣрующаго даже и въ этой мѣрѣ: она дѣлаеть для него умственно невозможнымъ допущеніе положеній несогласныхъ съ вѣрою такимъ образомъ, если вѣра и есть узда или цѣпь для человѣка—*бастилія человеческого духа*, какъ называли нѣкоторые религію, — то нужно признать, что въ умственной сферѣ человѣкъ не чувствуетъ этой узды, она не тяготитъ его. Мы думаемъ, что невѣрующіе мыслители должны понять и признать это,—они могутъ только сказать что вѣра представляеть собою невидимыя нуты, опутывающія человѣка, блуждающій огонекъ, мѣшающій ему видѣть истинный свѣтъ, т. е. что вѣра есть заблужденіе.

Въ этомъ собственно и заключается весь вопросъ: заблужденіе она или нѣтъ. Говорять: вѣръ много и, значить, крайней мѣрѣ, за исключеніемъ одной всѣ онѣ представляють собою заблужденіе. Безъ сомнѣнія, это—вѣрно: изъ всѣхъ религій только одна безусловно истинна. Но самый фактъ существованія вѣръ ошибочныхъ долженъ свидѣтельствовать въ пользу существованія вѣры истинной, какъ фальшивая монета доказываетъ фактъ существованія подлинной. Въ области религіозной могутъ быть своего рода заблужденія, галлюцинаціи, но замѣтимъ, что никто, страдающій галлюцинаціями зрѣнія, не видалъ иныхъ цвѣтовъ кромѣ тѣхъ, которые существуютъ дѣйствительно, и никто изъ страдающихъ галлюцинаціями слуха не слышалъ звуковъ, которые не были бы извѣстны въ музыкѣ. Вотъ, почему религіозныя разногласія не должны смущать вѣрующаго. Историческая всеобщность религіозной вѣры, вотъ оградный фактъ, убѣждающій въ законности и необходимости вѣры; религіозныя разногласія — печальный фактъ,

свидѣтельствующій о нравственно-нездоровомъ состояніи человѣческаго духа,—онъ обязываетъ тщательно изслѣдовать свою вѣру, свое упованіе. Мы должны стремиться путемъ нашихъ изысканій установить, какіе свойства и признаки имѣетъ вѣра и каково ея происхожденіе? Вѣрующій, опираясь на непосредственное сознаніе, говоритъ, что ея корень—истина, и что она есть тяготѣніе къ истинѣ. Невѣрующій говоритъ, что она есть персонификація собственной или внушенной намъ другими фантазіи. Вѣра есть убѣжденіе. Какой источникъ этого убѣжденія? Когда и какъ оно возникло и что его поддерживать? Человѣкъ, говорятъ, потомокъ животныхъ, но животныя не боятся ни темноты, ни привидѣній, животныя—крайніе реалисты. На какой же ступени своего развитія отдаленный человѣческій предокъ изъ реалиста сталъ идеалистомъ; вмѣсто того, чтобы считаться съ живыми врагами, сталъ почитать умершихъ друзей. И затѣмъ, почему, достигши высшихъ ступеней развитія, онъ не оставляетъ вѣры въ этотъ міръ идеальный; напротивъ, чѣмъ выше онъ развивается, тѣмъ болѣе въ основу своего поведенія онъ ставитъ принципы этого идеальнаго міра. Если онъ отвергаетъ вѣру въ Бога и подчиненіе Богу, онъ требуетъ, чтобы люди исполняли обязанности по отношенію къ отечеству, требуетъ, чтобы люди преклонялись предъ правдою и справедливостію. Почему такъ? Въ ряду различныхъ предположеній теорія утверждающая, что это преклоненіе предъ правдою не имѣетъ для себя никакой санкціи свыше, не находитъ себѣ отклика на небѣ; эта теорія представляется наименѣе допустимою, какъ безусловно не имѣющая для себя никакой опоры. На самомъ дѣлѣ, допустимъ, что та теорія міровой исторіи, которая теперь въ мірѣ мыслителей имѣетъ наибольшій кредитъ и которая пользуется наибольшею популярностью, теорія эволюціи, вѣрна. Согласно этой теоріи въ нѣсколько милліоновъ лѣтъ или можетъ быть даже въ болѣе короткій періодъ изъ такого ничтожнаго, жалкаго и беспомощнаго существа, какъ монера, вышелъ человѣкъ съ его наукою, искусствомъ, государственнымъ устройствомъ. Это — на землѣ. Но въ безграничной вселенной существуетъ множество міровъ, и процессъ эволюціи совершается на нихъ въ теченіе билліоновъ и билліоновъ лѣтъ. Могутъ ли существовать какія-либо со-

мнѣнія, что этотъ процессъ создать существа съ несравненно высшею духовною природою, чѣмъ наша, существа, которыя, можетъ быть, имѣють право трактовать также наши духовныя способности, какъ мы трактуемъ червей или губокъ. Физическая природа этихъ существъ можетъ быть совершенно особенною. Мы не можемъ утверждать, что жизнь непременно должна быть заключена въ твердо-жидкомъ тѣлѣ, можетъ быть возможны газообразныя организмы, можетъ быть самое газообразное состояніе матеріи не есть предѣльное—да въ этомъ нельзя и сомнѣваться,—можетъ быть жизнь заключается въ иныхъ мірахъ въ такихъ матеріальныхъ формахъ, которыя недоступны нашему зрѣнію и не поддаются нашимъ органамъ изслѣдованія. Такія существа—высокоразвитыя—могутъ жить въ мірѣ, знать нашу судьбу, вліять на наше благополучіе, и мы можемъ ничего не знать о нихъ. Можетъ быть на наши обращенія къ міру невидимому—Богу, ангеламъ, святымъ—отвѣчаютъ они, и потому наши мольбы не остаются безплодными. Говорятъ, что въ мірѣ нѣтъ свободы, но вѣдь, тѣ, которые говорятъ это, обращаются съ просьбами къ своимъ ближнимъ, какъ будто тѣ могутъ дѣйствовать свободно, и эти ближніе исполняютъ ихъ просьбы. За что же судить тѣхъ, которые обращаются съ своими мольбами къ существамъ болѣе могущественнымъ, чѣмъ люди? За что судить ихъ вѣру и дѣла ихъ вѣры? Наблюденіе и размышленіе открываютъ намъ, что въ сущности люди и самые либеральные крайне консервативны. Они вообще склонны думать, что вся жизнь во вселенной ограничивается извѣстной имъ областью и извѣстными имъ формами жизни. Когда стало утверждаться мнѣніе, что земля есть шаръ, мысль, что существуютъ антиподы, ученѣйшимъ людямъ казалась дикою и недѣлою. Ученые Саламанки жестоко и грубо смѣялись надъ проэктомъ путешествія Колумба въ новый свѣтъ. Не похожи ли всѣ невѣрующіе ученые на этихъ саламанскихъ мудрецовъ? И не есть ли невѣріе въ сущности грубая и узкая вѣра въ то, что мы—центръ и сущность вселенной, что нѣтъ ничего выше нашего разума, нѣтъ никакихъ другихъ элементовъ кромѣ тѣхъ, которые знаетъ наша химія, и никакихъ другихъ формъ жизни кромѣ тѣхъ, которыя вѣдаетъ наша біологія. Но сами науки о природѣ, какъ физической, такъ и

духовной, по мѣрѣ того, какъ онѣ развиваются, показываютъ, что тѣ рамки, въ которыя хотять заключить дѣйствительность, не годятся для нея, что разнообразіе міровой жизни нельзя заключить ни въ какія рамки человѣческой схоластики, онѣ сами какъ бы направляютъ мысль къ тому, чтобы она перешагнула границы видимаго и признала бытіе иной высшей дѣйствительности.

Но, говорятъ невѣрующіе, дѣйствительности во всякомъ случаѣ не той, о которой грезить вѣра. Пусть человѣчество будетъ находить все новыя и новыя формы бытія и жизни, оно никогда не найдетъ Того Бога, Котораго исповѣдуютъ вѣрующіе, никогда не встрѣтится съ дѣйствіями промысла и свободной воли, по тому что уже въ самомъ методѣ изслѣдованія, которымъ руководится человѣчество въ своихъ изысканіяхъ, заключается отрицаніе возможности промысла и свободы. Человѣкъ въ своихъ изслѣдованіяхъ исходитъ изъ идеи единообразнаго порядка въ природѣ, идеи причинности и законности. Мы готовы согласиться съ послѣдними тезисами, но вотъ, что во всякомъ случаѣ представляется несомнѣннымъ: понятія „единообразный порядокъ“, „причинность“, „законность“ далеко невыяснены, и потому у вѣрующихъ можетъ вполне сохраняться убѣжденіе, что выясненіе ихъ можетъ открыть, что они необходимо предполагаютъ промыслъ и свободу; только съ недавнихъ поръ гносеологія—наука о познаніи—стала выступать на путь болѣе или менѣе вѣрный. Она должна намъ выяснить, какими на самомъ дѣлѣ принципами руководится человѣкъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, изъ какихъ постулатовъ онѣ исходитъ. Въ своей личной дѣятельности и въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ людямъ человѣкъ исходитъ изъ признанія себя и другихъ свободными. Онѣ отлично понимаетъ, что эта свобода не есть безпричинность, произволь; человѣкъ заранѣе рассчитываетъ, что на такое то лицо онѣ можетъ повліять и на такое то нѣтъ, но причинность въ свободныхъ дѣйствіяхъ онѣ не отождествляетъ съ необходимостію. Что такое причина? Издавна мы слышали выраженіе: причина равна своему слѣдствію. Если бы это было вѣрно, въ мірѣ не было бы никакой жизни, потому что—разъ слѣдствіе тождественно съ причиной—то значитъ, каждый послѣдующій моментъ въ міровой исторіи долженъ быть тождественъ

съ предыдущимъ. Говорятъ, что причина есть неизмѣнная послѣдовательность, и что она открывається въ безусловномъ единообразіи порядка въ природѣ. Но на самомъ дѣлѣ намъ въ нашихъ изысканіяхъ нужна не безусловная, а условная неизмѣнность законовъ природы. Всѣ извѣстные намъ законы природы суть эмпирическія формулы для даннаго мѣста и времени. Всякій знакомый съ оптикою знаетъ, что математическія формулы оптическихъ стеколъ очень далеки отъ абсолютной точности, несовершенный человѣческій глазъ видитъ въ дѣйствительности то, что предсказывается формулою, но глазъ болѣе проницательный увидалъ бы вмѣсто предсказанной точки линію, вмѣсто прямолинейной поверхности криволинейную и т. д. Наболѣе строгій математическій характеръ признають за формулою закона тяготѣнія. Остановимся нѣсколько на этой формулѣ. Сила тяжести прямо пропорціональна массѣ и обратно пропорціональна квадрату разстоянія. Если масса увеличится вдвое, говоритъ формула, вдвое увеличится притяженіе и т. д., но чѣмъ въ механикѣ измѣряется масса? Силою ея притяженія, въсомъ. Постараемся понять это. Кусокъ желѣза того же объема, какъ и вода, вѣситъ и притягиваетъ почти въ восемь разъ (7,788) сильнѣе, чѣмъ вода (1). Какой смыслъ соединяется съ утверженіемъ, что онъ имѣетъ массу въ восемь разъ большую, чѣмъ вода въ томъ же объемѣ? Намъ скажутъ, что есть нѣкоторые первоатомы или нѣкоторая первоматерія, изъ которыхъ образованы и вода и желѣзо, что каждый первоатомъ обладаетъ равною силою притяженія и что въ желѣзѣ въ извѣстномъ объемѣ этихъ первоатомовъ въ восемь разъ болѣе, чѣмъ въ водѣ, или что первоматерія сгущена въ желѣзѣ въ восемь разъ сильнѣе, чѣмъ въ водѣ. Но такое разсужденіе вызываетъ сильныя возраженія. Во 1) оно стоитъ въ противорѣчій съ фактами теплоемкости. Согласно теоріи простыхъ первоатомовъ или единой первомадеріи слѣдовало бы, что количество тепла нужное для нагрѣванія тѣла должно быть прямо пропорціонально его вѣсу, и чтобы нагрѣть одинъ кубическій сантиметръ желѣза нужно бы въ восемь разъ болѣе тепла, чѣмъ для того, чтобы нагрѣть одинъ кубическій сантиметръ воды, на самомъ дѣлѣ оказывається, что для нагрѣванія желѣза нужно тепла почти въ семьдесятъ разъ менѣе, чѣмъ для нагрѣванія воды (тепло-

емкость воды = 1; теплоемкость желѣза = 0,11379, это—теплоемкости равныхъ вѣсовыхъ количествъ; раздѣливъ 7,788 на 0,11379, мы получимъ объемную теплоемкость желѣза). Во 2) факты, представляемые спектральнымъ анализомъ, открываютъ намъ, что при температурахъ въ тысячи градусовъ на небесныхъ тѣлахъ существуютъ тѣже элементы, что и на землѣ. Еслибы предположеніе о первоатомахъ или перво-матеріи было справедливо, то они разложились бы на простѣйшіе. Но если мы откинемъ теорію первоатомовъ или перво-матеріи, то ученіе о равенствѣ равнопритягивающихъ массъ въ законѣ Ньютона явится совершенно непонятнымъ звукомъ. Въ условной и ограниченной формѣ это ученіе понятно и практически и научно полезно, но какъ философское выраженіе міровой истины, оно не имѣетъ никакого значенія. Обратимся къ другому положенію закона: притяженіе обратно пропорціонально квадрату разстоянія. Допустимъ, что сила притяженія частицы a на разстояніи равномъ единицѣ равна f ; при прикосновеніи притягиваемаго тѣла къ притягивающей частицѣ, когда разстояніе будетъ равно нулю, чему будетъ равна сила притяженія a ?—И соображеніе и вычисленіе ($\frac{f}{0} = \infty$), отвѣтятъ намъ, что безконечности. Но если бы это было такъ, міръ давно бы сплюснулся въ неимѣющую измѣреній атомъ. Этотъ печальный результатъ не постигъ вселенную, очевидно, потому, что въ законѣ Ньютона нужно внести какую-то поправку, какія то дополненія, что справедливый для большихъ массъ и большихъ разстояній онъ не выражаетъ собою абсолютной законосообразности явленій во вселенной. Онъ не согласуется съ фактами притяженія въ величинахъ крайне малыхъ (молекулярное притяженіе) и можетъ быть—этого мы еще не знаемъ съ несомнѣнностію—въ величинахъ крайне большихъ. Не обнимаетъ онъ собою частныхъ видовъ притяженія—электромагнитныхъ, химическаго средства. И никакой законъ, какъ и законъ Ньютона, не имѣетъ характера абсолютной всеобщности и абсолютной необходимости.

Такъ относительно міра физическаго у насъ нѣтъ фактовъ доказывающихъ, что онъ представляетъ собою царство абсолютной необходимости, а относительно міра психическаго мы носимъ въ своей душѣ на самомъ дѣлѣ непоколеби-

мое убѣжденіе, что въ немъ царствуетъ свобода. Со всякимъ психическимъ актомъ связывается свобода. Физическое выраженіе психическихъ состояній есть движеніе. У человѣка есть мысль, что полагать начало движенію можетъ только одушевленное существо (въ мірѣ физическомъ существуютъ лишь передача и продолженіе движенія). Въ отдѣльных случаяхъ отъ вниманія человѣка можетъ ускользнуть импульсъ движенія и потому онъ можетъ неодушевленное существо принять за одушевленное; наоборотъ, въ другихъ случаяхъ одушевленное существо можетъ показаться неодушевленнымъ, такъ какъ можетъ не производить движеній—парализованное или свободно. Но эти ошибки не отрицаютъ истинности присущей человѣку мысли о движеніи, какъ признакъ одушевленности. Начало физическому движенію можетъ положить—только психическій импульсъ. Для этого психическаго импульса нельзя отыскать никакого физическаго *prins*, онъ есть актъ или результатъ свободнаго рѣшенія, и несомнѣнный фактъ свободныхъ движеній заставилъ даже физиологовъ писать трактаты о волѣ въ физиологіи. За признаніемъ произвольнаго движенія у человѣка слѣдуетъ признаніе и другихъ дѣйствій свободными. И на этомъ признаніи свободы утверждаются мысль объ отвѣтственности. Есть ли это чувство свободы—иллюзія? Кто желаетъ намъ это доказать, того мы прежде всего попросимъ намъ объяснить, какъ понимать необходимость въ приложеніи къ психическимъ явленіямъ. Въ области матеріи если на тѣло дѣйствуетъ нѣсколько силъ подъ различными углами, оно пойдетъ по равнодѣйствующей, въ области духа не можетъ быть равнодѣйствующей мотивовъ, духъ всегда долженъ бываетъ подчиниться одному изъ нихъ. Какъ же здѣсь дѣйствуетъ принципъ необходимости? Намъ не объясняютъ этого. Но намъ не объясняютъ также, откуда, если въ мірѣ есть лишь необходимость, явилась идея свободы, идея отвѣтственности. Не надъ одною моралью ставить крестъ детерминизмъ, онъ ставить его надъ смысломъ поэзіи, искусства, надъ порывами къ высшему, идеальному, святому. Детерминизмъ несовмѣстимъ съ прогрессомъ. ибо прогрессъ состоитъ въ томъ, что въ послѣдующемъ является больше, чѣмъ въ предыдущемъ, а детерминизмъ утверждаетъ равенство предыдущаго и послѣдующаго. Безъ сомнѣ-

нiя, понять свободный актъ нелегко; можетъ быть также нелегко понять творенiе изъ ничего. Но легко ли понять необходимость? Фактъ сохраненiя бытiя менѣе ли загадоченъ, чѣмъ его возникновенiе. Если этотъ столь существовалъ минутою назадъ, то почему онъ существуетъ и теперь? Этотъ вопросъ можетъ показаться страннымъ, даже нелѣпымъ, но онъ законенъ. На него отвѣчаютъ закономъ инерцiи, по которому всякое тѣло пребывающее въ покоѣ, будетъ пребывать въ немъ дотолѣ, доколѣ на него не будетъ произведено воздѣйствiе извнѣ. Но законъ инерцiи есть только выраженiе факта, а не его объясненiе. Если сохраненiе вещества намъ еще кажется какъ будто понятнымъ, то законъ сохраненiя движенiя не является и съ этимъ признакомъ. Въ сущности мы одинаково не понимаемъ какъ необходимости, такъ и свободы и можетъ быть мы не понимаемъ ихъ оттого, что не понимаемъ, что такое причина? Намъ постоянно подкладываютъ нѣмецкое пониманiе причины. Я говорю: нѣмецкое, потому что такое пониманiе дается нѣмецкимъ языкомъ. Причина по нѣмецки *Ursache*—первоначальное; по такой терминологiи, пожалуй, легко, вывести, что причина вещи есть та же самая вещь только въ иной формѣ бытiя. Но названiя другихъ языковъ не даютъ основанiй для построения подобной теорiи причинности. Термины „причина“, „основанiе“, „импульсъ“ (французское—*cause*, итальянское—*causa* и *ragione*, англiйское—*cause*, *réason*, *accunt*, русское—причина) наводятъ мысль на другое пониманiе причины, какъ нѣкоего агента, который дѣйствуетъ и дѣятельность котораго совсѣмъ нетождественна съ нимъ. Эта причинная дѣятельность непонятна.

Невѣрующiе мыслители отвергаютъ фактъ свободы обыкновенно послѣ очень неглубокаго изслѣдованiя, что такое причина, необходимость, свобода. Нужно выяснитъ эти понятiя или—вѣрнѣе—нужно выразумѣть факты, на основанiи которыхъ они составляютъ. Нужно обратиться къ тщательному изслѣдованiю психической и физической природы, нужно попытаться выяснитъ хотя одинъ физическiй актъ или одну психическую эмоцiю въ ея глубочайшихъ основанiяхъ: поднятiе пальца кверху или паденiе съ небольшой высоты маленькой свѣчки. Пусть мнѣ объяснятъ эти два маленькiя явленiя, пусть покажутъ, что они дѣйствительно съ не-

избѣжностію были отъ вѣчности предопредѣлены, какъ необходимый результатъ всей предшествующей исторіи. Никто и никогда не сумѣетъ сдѣлать этого.

Требованіе, чтобы мы представляли себя несвободными, стоитъ въ противорѣчій съ непосредственнымъ свидѣтельствомъ нашего сознанія, точно также утвержденіе, что представленіе абсолютнаго и личнаго Божества заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе и въ дѣйствительности немислимо, это утвержденіе стоитъ въ противорѣчій съ идеальными требованіями человѣческаго духа. Человѣкъ считаетъ себя существомъ сознающимъ, мыслящимъ, свободнымъ, но и свое сознаніе и свое мышленіе и свою свободу онъ считаетъ ограниченными. Будемъ наблюдать за собственными логическими процессами. Мы скоро увидимъ, что они далеко не во всемъ своемъ объемѣ проходятъ въ полѣ нашего сознанія; мы увидимъ, что наше мышленіе въ значительной мѣрѣ работаетъ безъ участія нашего сознанія. Положимъ намъ дана математическая задача, мы разсматриваемъ ея условія, ищемъ связи между данными и искомыми числами. Мы ищемъ ее болѣе или менѣе долго, наконецъ находимъ и составляемъ уравненіе. Можемъ ли мы показать, какъ открылась намъ связь условій нашей задачи, какъ послѣ разныхъ колебаній и невѣрныхъ предположеній насъ осянуло открывшее истину вдохновеніе. Разсмотримъ тщательно весь мыслительный процессъ и мы увидимъ, что въ немъ было много чего-то темнаго, что не всплывало на поверхность сознанія. Если мы дѣлали много разъ задачи извѣстнаго типа, мы, не думая, составляемъ ихъ уравненія, но, вѣдь, несомнѣнно мыслительный процессъ происходитъ, только внѣ поля нашего сознанія. Человѣкъ бѣжитъ по полю, на пути ему неожиданно встрѣчается узкій ровъ, онъ, повидимому не думая и совершенно не останавливаясь, перескакиваетъ чрезъ него. Развѣ на самомъ дѣлѣ онъ перескочилъ не думая. Его глаза смѣрили ширину рва, сообщили о ней его духу, тотъ рѣшилъ какое усиліе мускуловъ нужно употребить, чтобы перепрыгнуть эту ширину, далъ импульсъ рѣшенію совершить таковое усиліе, и прыжокъ совершился. Все здѣсь кромѣ начальнаго и конечнаго момента произошло въ какомъ то психическомъ мракѣ. Психическая дѣятельность человѣка сложна и обширна, но

сознание освѣщаетъ только немногіе ея выдающіеся пункты, въ большей своей части она протекаетъ во мракѣ. Но у человѣка есть представленіе возможности и того сознанія и иного „я“, которое созерцаетъ свою психическую дѣятельность, видитъ ея сокровеннѣйшіе изгибы, видитъ всю свою душу. Такое вѣдѣніе на самомъ дѣлѣ возможно только для абсолютнаго „я“, ибо сознание неабсолютное не можетъ знать никакого предмета вполнѣ, какъ бы ни былъ ничтоженъ этотъ предметъ. Ограниченное „я“ можетъ расширять и углублять сферу своихъ познаній, но въ области познанія между нимъ и я абсолютнымъ всегда останется безконечное разстояніе. „Я“ Абсолютное или Богъ есть идеаль, который вѣрующая совѣсть считаетъ живою реальностію. Въ этомъ представленіи живаго абсолютнаго „Я“ нѣтъ никакого логическаго противорѣчія, напротивъ, всѣ гносеологическія работы человѣка направляются къ тому, чтобы приближаться къ этому идеалу, а конечно никто не захочетъ уподобляться тому, что есть *contradictio in adiecto*. Что сказано о сознаніи, то должно сказать и о мышленіи. Какъ сознаніе (сознание „я“) развивается постепенно и стремится къ безграничности, такъ и мышленіе, развиваясь, стремится къ тому, чтобы стать абсолютнымъ, хотя вѣчно остается ограниченнымъ. Наше мышленіе со всѣми его приемами и методами носитъ на себѣ печать ограниченности и условности. Возьмите какой угодно силлогизмъ и рассмотрите его, и вы увидите, что онъ самъ въ себѣ заключаетъ доказательства, что составлявшее его существо ограничено и неспособно воспринимать истину во всей ея полнотѣ. Птицы не имѣютъ зубовъ, воронъ — птица, слѣдовательно, у него зубовъ нѣтъ. Въ этомъ силлогизмѣ мы прежде всего находимъ какую то классификацію, представленіе какого то рода „птицъ“, видимъ, что предметы и существа составителемъ силлогизма мыслятся въ системѣ, но въ природѣ нѣтъ ни родовъ, ни системъ, въ природѣ имѣются только отдѣльныя особи связанные между собою нѣкоторою связью, которая дѣлаетъ, что вся природа представляетъ собою единство. Абсолютное мышленіе должно мыслить ворона, какъ нѣкую особь, представляющую элементъ, часть въ природѣ, но не какъ частное понятіе по отношенію къ какому то общему фиктивному понятію „птицы“. Существуетъ животный міръ, существу-

ють отдѣльные индивидуумы, но не существуетъ класса „птицы“ и вида „воронъ“. Эти понятія рода, системы суть фикціи. Фикціи—условно мнемоническіе приемы, при помощи которыхъ мы нашимъ слабымъ мышленіемъ познаемъ существующее. Мы не можемъ познать каждое конкретное явленіе въ его отдѣльности и потому, наблюдая новое явленіе, мы говоримъ, что оно похоже на иное нами прежде видѣнное; слѣдовательно, оно и есть тоже, что раньше видѣнное. Назвавъ увидѣнное нами явленіе радугой и увидѣвъ потомъ подобное же (но не тождественное) явленіе, мы говоримъ: это—радуга. Наша память слаба и потому вмѣсто безчисленнаго множества конкретныхъ явленій мы наполняемъ ее немногими абстракціями. Несовершенны наши и приемы мышленія. Это открывается въ нашихъ математическихъ теоріяхъ. Часто говорятъ о точности математики. Это—грубое заблужденіе. Въ математикѣ большая часть вопросовъ получаетъ только приблизительно вѣрные отвѣты. На простой вопросъ, чему равенъ квадратный корень изъ двухъ, намъ всегда дадутъ отвѣтъ только съ большимъ или меньшимъ приближеніемъ. За исключеніемъ очень немногихъ всѣ логарисмы неточны. Математика имѣетъ и постоянно употребляетъ такое выраженіе: мы можемъ пренебречь этою ничто не значащею погрѣшностію, но ничего не значащихъ погрѣшностей на самомъ дѣлѣ не существуетъ, и съ точки зрѣнія абсолютной правды всякій неточный отвѣтъ есть ложный отвѣтъ. Безконечно—малыя ошибки, суммированныя въ безконечно-долгій періодъ, даютъ колоссальную ложь. Поучительные примѣры этого даетъ астрономія. Астрономъ изучаетъ движеніе ново-появившейся кометы. Начеркивая линію ея пути, онъ видитъ, что точнѣе всего эту линію назвать эллипсисомъ, но точно также, почти не грѣша, ее можно назвать и параболой (ибо эллипсисы съ громадными эксцентриситетами въ незначительномъ разстояніи отъ конца большей оси не могутъ отличаться отъ параболы). Астрономъ тогда вычисляетъ движеніе кометы по параболѣ, потому что такое вычисленіе значительно легче, чѣмъ вычисленія пути по эллипсису, онъ вычисляетъ движеніе кометы на будущіе мѣсяцы, и его вычисленія—употребляя ходячій терминъ—оказываются абсолютно точными. Онъ, положимъ, предсказалъ, что склоненіе и прямое восхожденіе кометы въ

Петербургъ такого то числа будутъ такими то—такіе то градусы, такіе то часы, минуты и секунды. Его предсказаніе оказалось совершенно вѣрнымъ. Но онъ знаетъ, что въ его вычисленіяхъ есть ошибка—неуловимая, которая теперь не даетъ себя чувствовать наблюдателю, но которая потомъ можетъ быть чрезъ десятки лѣтъ сама жестоко заявить о себѣ. Дѣло въ томъ, что по его вычисленію комета, какъ двигающаяся по параболѣ, должна уйти отъ солнца въ безконечность, но на самомъ дѣлѣ какъ двигающаяся по эллипсису, она вернется къ солнцу можетъ быть чрезъ 50, можетъ быть чрезъ 200 лѣтъ. Такимъ образомъ въ конечномъ результатѣ безконечно малая ошибка даетъ безконечно большую ложь. Таковъ характеръ нашихъ познаній. Но достоинство человѣка заключается въ томъ, что онъ сознаетъ свои ошибки, видитъ ихъ, постепенно ихъ поправляетъ. Человѣкъ знаетъ, что его представленія о вещахъ не отвѣчаютъ вещамъ, но что однако эти представленія настолько удобные и вѣрные символы, что, пользуясь ими, онъ можетъ ориентироваться среди вещей, и наконецъ, человѣкъ чувствуетъ, что онъ можетъ улучшать, усовершенствовать и расширять свои познанія. Своему ограниченному и темному познанію человѣкъ предноситъ, какъ идеалъ, абсолютное знаніе вещей, знаніе, которое знаетъ предметы, какъ они суть, которое не пользуется никакими теоріями приближенныхъ величинъ, никакими искусственными системами, не пользуется никакими даже и совершенными измѣреніями, а воспринимаетъ вещи прямо, воспринимаетъ ихъ все одновременно. Это абсолютное знаніе человѣкъ мыслить принадлежащимъ абсолютному сознанію, абсолютному я. Считая себя созданнымъ по образу Того, Кто владѣетъ совершеннымъ знаніемъ и сознаніемъ, человѣкъ стремится приближаться къ Нему, расширяя свои познанія и углубляя ихъ. Человѣкъ считаетъ себя свободнымъ, но его свобода ограничена, потому что у него ограничено количество представленій возможнаго образа поведенія и у него ограничены средства для осуществленія представляющихся ему возможными способовъ дѣйствій. Но онъ мыслитъ, что свобода можетъ расширяться, что можно становиться свободнѣе и свободнѣе. Человѣкъ признаетъ бытіе Существа, Которое представляетъ безконечное количество возможныхъ дѣйствій

(причемъ эти дѣйствія не исключаютъ одни другія, а могутъ осуществляться совмѣстно) и владѣеть безконечнымъ количествомъ средствъ для реализаціи этихъ безконечныхъ представленій или идей, Существа, Которое само полагаетъ законы бытія и реализуетъ ихъ. Здѣсь не можетъ быть рѣчи о дѣятельности по необходимости, ибо мыслители разныхъ вѣковъ, умѣвшіе глубоко всматриваться въ сущность бытія, учили, что здѣсь является Существо, Которое одинаково полагаетъ бытіе, какъ свободѣ, такъ и необходимости.

Человѣку присуще представленіе, что есть идеальное высочайшее существо, которое можетъ и желаетъ дать всѣ нужныя средства человѣку для достиженія идеала. Я не знаю мысли болѣе возвышенной и убѣжденія, которое могло бы болѣе успокоивать насъ среди скорбей и невзгодъ жизни, чѣмъ это убѣжденіе.

Задача, которой мы съ вами, господа, рѣшили посвятить нашу дѣятельность, состоитъ въ томъ, чтобы по возможности яснѣе и строже раскрыть правду этого убѣжденія, и задача нашей школы заключается въ томъ, чтобы возможно глубже и сильнѣе ввести это убѣжденіе въ жизнь и сознаніе людей нашей родины. Однимъ изъ давно указываемыхъ признаковъ разумности нашихъ убѣжденій является тотъ, что независимо отъ того, истинны ли они или ложны, исповѣданіе ихъ всегда принесетъ благо. „Если мы ошибаемся, считая христіанскую религію истинной, мы теряемъ очень немного, сказалъ Паскаль, но какое несчастье, если мы ошибаемся, считая ее ложной“ ¹⁾. Если въ горькія и тяжелыя минуты своей жизни человѣкъ нашелъ облегченіе и успокоеніе въ молитвѣ, то пускай эта молитва не нашла никакого отклика въ пустотѣ неба, важно и хорошо уже то, что оно согрѣло сердце того, кто молился. Такъ должны разсуждать невѣрующіе, а они не представляютъ и не могутъ представить себѣ и сотой доли тѣхъ благъ, которыя получили въ молитвѣ вѣрующій и безусловная цѣнность которыхъ для него истинна и несомнѣнна. Говорятъ, что религія ставитъ тормазъ свободному изслѣдованію, что она отрицаетъ принципы, изъ которыхъ исходитъ наука. Сейчасъ только что шла рѣчь о томъ, что эти принципы ошибочны,

¹⁾ Pascal, Pensées, p. 50. Biblioth. national.

но допустимъ что они вѣрны. На самомъ ли дѣлѣ религіозныя ученія идутъ съ такою безспорною очевидностію противъ этихъ принциповъ? Нѣтъ, факты показываютъ, что невозможность согласить принципы всеобщей необходимости, детерминизма и т. п. съ религіозными ученіями и религіозностію вовсе не имѣютъ безспорной и общепризнанной очевидности. Бэмъ былъ строго послѣдовательнымъ пантеистомъ и глубоко убѣжденнымъ христіаниномъ, на мѣсто творенія онъ поставилъ истеченіе и онъ никогда не сомнѣвался, что его воззрѣнія стоятъ въ полной гармоніи съ библіей, онъ видѣлъ въ нихъ только комментарий къ послѣдней. Историческое изслѣдованіе, говорятъ, непременно требуетъ признанія принциповъ детерминизма. Но ученіе кальвинистовъ въ сущности—строго детерменистическое, подобнымъ было и ученіе блаж. Августина, многія страницы корана проникнуты идеями фатализма и детерминизма. И однако бл. Августинъ былъ очень благочестивымъ человекомъ, и кальвинисты и масульмане, несомнѣнно, религіозные люди. Между тѣмъ говорятъ, что детерминизмъ содержитъ въ себѣ отрицаніе разумности религіи и религіозной дѣятельности. Мы согласны съ этимъ, мы полагаемъ, что детерминизмъ утверждаетъ неразумность религіозныхъ дѣйствій точно такъ же, какъ и неразумность житейскихъ отношеній. Но однако детерминизмъ можетъ такъ же удобно признавать существованіе Бога, ангеловъ, святыхъ и возможность общенія съ ними, какъ онъ признаетъ и существованіе людей. А своеобразная теорія предопредѣленія детерменистическихъ религіозныхъ толковъ идетъ далѣе и хочетъ примирить всеблагость и правосудіе Божіе съ неизбѣжностію человѣческой судьбы. Умъ человѣка слишкомъ ограниченъ и однимъ изъ послѣдствій его ограниченности является, что ему иногда представляется совмѣстимымъ несомнѣнное или, наоборотъ, онъ отрицаетъ сосуществованіе такихъ фактовъ, которые на самомъ дѣлѣ существуютъ совмѣстно: свобода и необходимость, промышленіе и законосообразность, твореніе и сохраненіе вещества, величіе божества и Его попеченіе о ничтожномъ человѣчествѣ. Но чѣмъ болѣе человѣкъ размышляетъ, чѣмъ болѣе изучаетъ существующее, тѣмъ болѣе, думаемъ, онъ во всякомъ случаѣ убѣждается, что тезисъ несомнѣстности доказать

нелегко, что въ существующемъ есть много неизвѣстныхъ ему сторонъ, и что его прямолинейное и ясное міросозерцаніе только потому ясно и просто, что онъ ничего не знаетъ. Знанія человѣка очень ограничены. Мы видимъ, какъ бы сквозь тусклое стекло, и поэтому опираться на знанія, чтобы принципиально отрицать религію, невозможно. И люди отрицаютъ религію, потому что въ ихъ сердцахъ нѣтъ вѣры, а не потому что они имѣютъ знаніе.

Но ихъ отрицаніе? Однимъ изъ признаковъ того, что оно представляетъ заблужденіе, является то, что оно ведетъ къ самымъ ужаснымъ практическимъ послѣдствіямъ. Если вѣчность отвела мнѣ для наслажденія радостями жизни 40—50 лѣтъ, то, конечно, мнѣ нужно торопиться не терять дорогого времени. „Станемъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ“ (1 Коринѣ. XV, 32 ср. Исаіи XXII, 13). Этоть тезисъ такъ простъ, ясенъ и неотразимъ, что ему повидимому неизбежно должно слѣдовать. И ему бы послѣдовали, и жизнь человѣчества превратилась бы въ сплошную оргію, которая быстро бы закончилась гибелью человѣчества, если-бы строй жизни человѣчества не держался доселѣ на традиціонныхъ религіозныхъ началахъ, на требованіяхъ справедливости, правды любви, вообще на всемъ томъ, въ чемъ раціонализмъ не можетъ видѣть никакого смысла и происхожденіе чего онъ никогда не сумѣетъ объяснить. Конечно, люди слабы, въ житейскихъ отношеніяхъ много неправды, но люди все таки знаютъ, что такое добро и справедливость, и уже одно то, что каждый изъ насъ возмущается несправедливостью другаго, имѣетъ великое значеніе для торжества справедливости. Это возмущеніе имѣетъ для себя опору въ вѣрѣ въ божественную правду. Невѣрующіе философы пытаются создать какую то этику, но на самомъ дѣлѣ они могутъ предложить намъ не этику, а только фізику нравовъ. Въ ихъ этикѣ излагаются законы, по которымъ необходимо должны совершаться нравственныя явленія, у нихъ нѣтъ и они не могутъ признавать *debet*—должно, у нихъ есть только *est* и *erit*—есть и будетъ. Но есть ли хотя одинъ невѣрующій мыслитель, который въ глубинѣ своей души не чувствовалъ бы лжи своего катихизиса, который не сознавалъ бы, что чувство долга не есть результатъ наслѣдственной или личной привычки, но нѣчто вложенное въ душу свыше? Мы ду-

маемъ, что божественное происхожденіе нравственныхъ обязанностей чувствуется всѣмъ человѣчествомъ.

Раскрыть и выяснитъ все это, раскрыть истинность и спасительность вѣры—наша задача и наша обязанность. Мы видимъ, что противъ религіи выступаютъ враги со всевозможныхъ сторонъ и во имя самыхъ различныхъ началъ: противъ нее идутъ и во имя философскихъ принциповъ и во имя научныхъ открытій. Но если враги надвигаются на насъ отовсюду, то, значить, намъ некуда бѣжать. Намъ нужно укрѣпить свое положеніе. Прежде всего намъ нужно для самихъ себя сдѣлать наше вѣроученіе возможно яснымъ, полнымъ и обоснованнымъ. Мы—сыны православной церкви и церковь даетъ намъ источники своего вѣроученія и свое толкованіе ихъ. Мы должны по возможности выяснитъ и выразумѣть ихъ. Самое лучшее дѣлать это, не поддаваясь никакимъ постороннимъ вліяніямъ—естественнонаучнымъ открытіямъ и гипотезамъ, философскимъ теоріямъ. Но потомъ, когда наше исповѣданіе явится намъ въ видѣ полной и ясной системы, тогда мы должны обратиться къ сравненію его съ ученіями человѣческими. Я указывалъ выше, что мы найдемъ разнорѣчіе по многимъ пунктамъ. Какъ должно поступать въ виду этого разнорѣчія? Намъ думается, что въ большинствѣ случаевъ ненужно спѣшить ни съ отрицаніемъ научныхъ предположеній, ни съ приспособленіемъ нашего вѣроученія къ новому міропониманію. Вездѣ, гдѣ возможно, лучше всего ждать—не найдутъ ли себѣ старая вѣра и новое знаніе примиренія въ нѣкоторой высшей правдѣ.

Я говорилъ о пунктахъ разногласія между православнымъ вѣроученіемъ и современными научными теоріями. Говорятъ: Библия учитъ о неподвижности земли, и астрономія утверждаетъ ея движеніе. Многие богословы пытаются теперь утверждать, что въ Библии, не говорится о неподвижности земли и движеніи солнца, они говорятъ объ астрономическихъ познаніяхъ Моисея, о мудрости египтянъ и т. д. Я думаю, что эти богословы неправы. Моисей не зналъ теоріи Коперника, и выраженія библии просты и несомнѣнны. Но, вѣдь, это способъ выраженія всего человѣчества, не исключая и современныхъ астрономовъ. „Солнце зашло. Луна вступила въ меридіанъ“. Библия описываетъ явленія такъ

какъ они кажутся, языкомъ понятнымъ „для мудрыхъ и простыхъ вкушѣ“. Астрономія стремится понять ихъ, какъ они есть. Говорятъ, что „день“ творенія въ Библии есть обыкновенный день, и что на самомъ дѣлѣ твореніе или образованіе міра происходило въ теченіе тысячелѣтій. Думается, что невозможно согласить оба эти утвержденія. Когда людямъ была открыта тайна творенія, они безъ сомнѣнія не могли понимать геологическихъ истинъ, и мы имѣемъ всѣ основанія утверждать, что обученіе человѣка естествознанію не входило въ божественные планы. Богъ, сказалъ Екклезіастъ, „вложилъ міръ въ сердце ихъ (людей, *tradidit mundum disputationibus eorum* въ *Vulg.*), хотя человѣкъ не можетъ постигнуть дѣлъ, которыя Богъ дѣлаетъ, отъ начала до конца“ (Екклес. III, II). Исторія творенія была возвѣщена человѣчеству не въ естественнонаучныхъ, но въ религіозныхъ цѣляхъ и была возвѣщена въ формѣ наиболѣе для него понятной, но вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно, въ выраженіяхъ наиболѣе отвѣчающихъ истинѣ. По мнѣнію Климента Александрійскаго всѣ твари были созданы одновременно. Онъ полагаетъ, что различіе шести дней въ моисеевомъ повѣствованіи не указываетъ дѣйствительной послѣдовательности времени, но представляетъ собою лишь пріемъ, которымъ бытописатель приспособляется къ нашему разумѣнію и нашему способу понимать вещи, представляя въ видѣ послѣдовательной лѣстницы существа, которыя составляютъ вселенную. „День, въ который Богъ сотворилъ міръ, есть слово“ (*Strom. VI, 16. Migne*). Оригенъ, ученикъ Климента, тоже признавалъ что міръ былъ сотворенъ мгновенно. Онъ основывалъ такое представленіе на повѣствованіи кн. бытія о четвертомъ днѣ творенія. „Невозможно, говорилъ онъ понять дни съ утромъ и вечеромъ безъ солнца и безъ луны. Нельзя раздѣлять твореніе на многіе дни прежде, чѣмъ были. Это только образъ которымъ Моисей обозначаетъ постепенность тварей“. (*De principiis. I, IV, 16 Migne*). Впослѣдствіи у православныхъ богослововъ явилось еще побужденіе настаивать на мгновенномъ созданіи міра. Когда аріане стали учить, что Христосъ есть только „рожденный прежде всякой твари“ (Колос. 1, 15), нѣкоторые изъ отцовъ церкви, обличая неправильное пониманіе текста аріанами, настаивали на томъ, что самое дѣленіе тварей въ аріанскомъ смыслѣ по времени ихъ про-

исхожденія несостоятельно. „Никакое созданіе не старше другаго, писалъ св. Аѳанасій Великій въ спорѣ противъ аріанъ, всѣ виды были созданы заразъ однимъ и тѣмъ же повелѣніемъ“ (Orat. II contr. arian. n° 60. Migne). Мы видимъ, что по мысли этихъ толкователей день въ библейскомъ повѣствованіи употребляется въ значеніи обыкновеннаго дня, но они видятъ въ этомъ повѣствованіи о дняхъ только приспособленіе къ человѣческому пониманію и утверждаютъ, что въ дѣйствительности никакихъ дней творенія не было. Мы думаемъ, что ихъ экзегезисъ въ его отрицаніи за библейскимъ повѣствованіемъ о твореніи историческаго характера ошибоченъ. Мы думаемъ, что дни творенія были, что передъ твореніемъ Творцомъ были созданы законы, по которымъ оно должно было совершаться, что твореніе совершалось съ постепенностію и что оно дѣйствительно представляло собою лѣствицу восхожденія существъ. Мы допускаемъ далѣе, что процессъ образованія земли на самомъ дѣлѣ былъ дологъ, обнималъ собою далеко не шесть нашихъ астрономическихъ сутокъ, и мы не знаемъ, на какую догматическую истину указываетъ Библия, говоря о шести дняхъ, но едва ли можно сомнѣваться, что первые и ближайшіе читатели книги бытія подъ днями разумѣли обыкновенные дни. Взглянемъ теперь на вопросъ съ другой точки зрѣнія. Допустимъ, что традиціонное пониманіе исторіи творенія абсолютно истинно, и міръ въ законченномъ видѣ явился въ шесть дней: атлантическій океанъ, альпы, каспійская низменность, взрослые животныя, все это явилось сразу. Лошадь мгновенно была создана взрослою. Затѣмъ начался тотъ порядокъ, который существуетъ и нынѣ — порядокъ постепенности развитія и медленности измѣненій. Если принципы этого настоящаго порядка приложить къ прошедшему, то тогда и получатся тѣ сотни тысячъ и милліоны лѣтъ, о которыхъ учитъ геологія. Какой вредъ отъ этого геологическаго ученія? Съ теоретической стороны оно даетъ намъ пониманіе строенія земли, съ практической оно даетъ указанія, какъ и гдѣ въ землѣ нужно отыскивать то, что нужно человѣку. Геологія во всякомъ случаѣ исходитъ изъ принципа, что твореніе не было актомъ всемогущества, для котораго всеблагой и всемогущій Богъ не положилъ напередъ никакихъ законовъ, но что оно было раскрытіемъ законовъ и идей—

твореніемъ по плану и порядку. Есть еще одна точка зрѣнія, которую нужно принять въ расчетъ при разсужденіи объ исторіи творенія. И непосредственный нашъ взоръ и естествознаніе несомнѣнно представляютъ вещи не такими, каковы онѣ суть. Время, пространство, матерія, движеніе, все это не таково, какимъ намъ кажется. Отсюда вытекаетъ, что и Библия и геологія даютъ намъ недѣйствительную, а только символическую исторію міра. Символы эти въ нашемъ пониманіи теперь не представляются тождественными, но выводы слѣдующіе изъ нихъ одни: процессъ образованія міра былъ нѣкоторымъ законосообразнымъ процессомъ развитія, процессомъ перехода отъ однообразнаго къ разнообразному, отъ простаго къ сложному, отъ низшаго къ высшему.

Въ вопросѣ о происхожденіи человѣка конфликтъ между вѣроученіемъ и научными теоріями, говорятъ, особенно рѣзокъ. Это безспорно. Однако и здѣсь, прежде чѣмъ поднимать споръ, можетъ быть, полезно обратить вниманіе на нѣкоторые пункты. Во 1) библия процессъ происхожденія человѣка представляетъ двойственнымъ: „Создалъ Господь Богъ человѣка изъ праха земнаго и вдунулъ въ лице его дыханіе жизни“ (Быт. 11, 7.). Здѣсь двѣ стороны: естественная и сверхъестественная или, говоря иначе, земная и небесная. Первая сторона въ нѣкоторой мѣрѣ можетъ быть доступна пониманію или представленію человѣка. Во 2) и съ точки зрѣнія библии невозможно оспаривать, что появленію на землѣ человѣка должно было непосредственно предшествовать появленіе тварей близкихъ къ нему по своей физической организаціи. Все, что мы видимъ на землѣ до человѣка, все это суть какъ бы подготовительныя ступени—для появленія человѣка. Но конечно, гипотеза собственно дарвинистическая въ ея принципахъ безусловно несовмѣстима съ нашимъ вѣроученіемъ. Позволительно однако отмѣтить, что эта гипотеза по сознанію самыхъ рѣшительныхъ ея сторонниковъ не имѣетъ за собою прямыхъ фактовъ, что она дѣлаетъ предположенія, основываясь на аналогіяхъ, на отдаленныхъ догадкахъ, и что для всякаго, кто допускаетъ существованіе въ мірѣ не однихъ механическихъ принциповъ, эти соображенія сами по себѣ не могутъ имѣть никакой силы.

Пытаются идти противъ авторитета Библии. Новѣйшая критика, говорятъ, открыла, что кодификація библии была совсѣмъ иною, чѣмъ это представляютъ. Здѣсь прежде, чѣмъ переходить къ обсужденію подробностей, нужно обратить вниманіе на два пункта: 1) что вообще хронологическіе вопросы и вопросы объ авторствѣ—можетъ быть за исключеніемъ только нѣкоторыхъ случаевъ—имѣютъ лишь историческое, а не догматическое значеніе. И затѣмъ 2), что результаты критики, которая собственно доселѣ представляеть собою не критику, а рядъ отрицаній и поправокъ во имя системы гипотезъ, не опирающихся ни на какія фактическія основанія, эти результаты можно было предвидѣть. Результаты критики уже заключались въ ея методѣ и принципахъ. Критика вышла изъ убѣжденія, что исторія религиозныхъ судебъ еврейскаго народа была совершенно аналогичною судьбамъ другихъ народовъ древности: обожествленіе различныхъ предметовъ и явленій, политеизмъ и наконецъ монотеизмъ. А такъ какъ библия не даетъ для такихъ взглядовъ дѣйствительныхъ основаній, то стали находить основанія мнимыя: упоминаніе въ Библии о дубѣ по гипотезѣ нашихъ критиковъ служитъ доказательствомъ, что у евреевъ почитались священныя деревья, упоминаніе о гробѣ доказываетъ существованіе культа предковъ. Такова логика раціоналистической критики. Настаивая на тождествѣ религиозной исторіи евреевъ и другихъ народовъ, эта критика однако упускаетъ очень важный фактъ, что ни одинъ народъ самъ не пришелъ къ монотеистическимъ вѣрованіямъ. Монотеизмъ данъ человечеству евреями. Откуда же онъ возникъ у этихъ скромныхъ семитовъ? Гдѣ историческія аналогіи для объясненія этого факта? Если не Единный Богъ создалъ евреевъ, то какъ евреи сумѣли создать этого Единого Бога? На этотъ вопросъ критика не даетъ отвѣта, но что исторія евреевъ не заключала въ себѣ ничего чудеснаго и поразительнаго, это доказывается критикою необыкновенно легко и просто. Въ библии мы встрѣчаемся съ пророчествами. Раціоналистическая критика не допускаетъ ихъ существованія. Поэтому разъ въ библии встрѣчается пророчество, то по теоріи критиковъ оно должно быть или написано послѣ событія или подъ нимъ должно разумѣть не то послѣдующее событіе, къ которому его относили. Пророчество

Исаи о Кирѣ (Исаи XLV) должно быть написано во времена Кира (VI в. до Р. X), отсюда выводъ критики, что оно написано не Исаіею (VIII в. до Р. X.), а неизвѣстнымъ современникомъ Кира. Пророчество Исаи о Христѣ (Исаи LII, 13—LIII) написано несомнѣнно до Христа; отсюда выводъ, что оно, значитъ, имѣетъ въ виду не Христа, ибо пророчество не можетъ быть, и вотъ, составляется толкованіе, что отрокъ Іеговы, эбедъ Іеговы, вовсе не отрокъ, не лицо, а лучшая часть еврейскаго народа, спасающая весь народъ. Такіе или болѣе правдоподобные выводы у невѣрующихъ изслѣдователей должны получаться неизбежно, какъ неизбежно алхимики стараго времени, искавшіе золота, находили его въ своихъ тигляхъ, потому что клали его туда въ началѣ опыта.

Историки говорятъ, что христіанскіе догматы образовывались естественнымъ образомъ. Мы можемъ и имъ сдѣлать уступку и допустить, что провидѣніе пользовалось и естественными средствами, историческими событіями, державшимися на очереди дня ученіями, чтобы направить человѣческую мысль къ уразумѣнію сверхъестественной истины, содержимой церковнымъ сознаніемъ.

Но, можетъ, быть Вы уже давно думаете, господа: не слишкомъ ли много уступокъ, не предлагаю ли я вамъ поспѣшно принимать, какъ истину, человѣческія измышленія и не предлагаю ли я Вамъ мириться съ ложью, пассивно смотрѣть на ея существованіе и распространеніе. Нѣтъ; я вовсе не думаю звать васъ на путь уступокъ. Уступки въ области истины невозможны. Я думаю только, что нужно остерегаться рѣзко и горячо нападать на новыя ученія, какъ на противныя религіи, что нужно напередъ много и тщательно подумать о нихъ, чтобы съ нами не случилось того, надъ чѣмъ жестоко смѣялся одинъ изъ геологовъ новаго времени Агассицъ и слова котораго въ укоръ богословской оппозиціи новымъ ученіямъ часто повторяютъ теперь и въ книгахъ и съ кафедръ. „Какъ только новый и поразительный фактъ появляется въ наукѣ, сказали Агассицъ, говорятъ: это—неправда; потомъ это—противно религіи, а подъ конецъ; это давно извѣстно всему свѣту“. Вотъ, почему мнѣ думается, что когда связь новыхъ ученій съ вѣрою является отдаленною, когда они непрямо направляются про-

тивъ основныхъ истинъ вѣры, ненужно спѣшить съ ихъ суровымъ осужденіемъ. Если послѣ тщательнаго изслѣдованія они окажутся антирелигіозными, конечно, ихъ должно опровергать и оспаривать, только не нужно вносить въ это дѣло того фанатическаго пыла, о которомъ потомъ, быть можетъ, придется пожалѣть. Мы можемъ смѣшать свое пониманіе истины съ истинною и потомъ, воображая, что защищаемъ высшую истину, можетъ защищать свое жалкое заблужденіе.

Будемъ осторожны! Но, конечно, осторожность прежде всего должна выражаться въ твердомъ сохраненіи и исповѣданіи того ученія, которое намъ предано, и затѣмъ во внимательномъ изслѣдованіи тѣхъ ученій, которыя появляются вновь. Постараемся, не поступаясь истинною, найдти общую почву для обсужденія вопросовъ съ людьми, которые отрицаютъ истинность нашихъ воззрѣній и, слѣдовательно, полагаемъ мы, идутъ противъ истины. Пусть эти люди не видятъ въ насъ своихъ личныхъ враговъ, но только враговъ ихъ доктринъ. Этимъ доктринамъ мы не будемъ дѣлать уступокъ. Я думаю, что исторія научныхъ открытій послѣдняго столѣтія особенно побуждаетъ богослововъ къ стойкости и твердости въ установившемся пониманіи богодухновеннаго ученія. Можно бы долго и далеко простереть слово въ повѣствованіи о томъ, какъ новыя открытія подрывали старыя теоріи, которыя нѣкоторыя изъ богослововъ пытались искусственнымъ образомъ примирять съ Библіею. Изъ многаго выберемъ немногое.

Въ первой половинѣ XIX вѣка въ геологій прочно утвердилась теорія катастрофъ, ревностнымъ защитникомъ которой былъ Кювье. Сущность этой теоріи состоитъ въ томъ, что геологическія эпохи слѣдовали одна за другою не постепенно и спокойно, но что каждая эпоха оканчивалась катаклизмомъ, катастрофою, все разрушалось и на развалинахъ разрушеннаго возникли совершенно новыя фауна и флора. Основаніе для этой теоріи представлялъ тотъ фактъ, что въ геологическихъ отложеніяхъ пласты лежащіе непосредственно одинъ на другомъ нерѣдко представляютъ совершенно различный характеръ, заключаютъ въ себѣ останки совершенно различныхъ типовъ жизни. Для объясненія этого факта геологи предположили, что каждая геологическая

эпоха оканчивалась потопомъ, причину этихъ потоповъ они усматривали въ поднятіи горныхъ цѣпей, которыя подъ дѣйствіемъ тектонической силы земли будто бы сразу выходили изъ земли во всемъ своемъ могучемъ величіи. Геологамъ казалось, что по измѣненію въ наклонѣ горныхъ напластованій они могутъ опредѣлять даже моменты рожденія горъ. Ихъ теорія заставила нѣкоторыхъ негеологовъ высказать, что у геологовъ горы растутъ, какъ грибы. Но этой ироніи, разумѣется, никто не придалъ серьезнаго значенія. Теорія катастрофъ прочно утвердилась въ геологической наукѣ, и вотъ, богословы начали пытаться примирять составленную учеными исторію земли съ тою, которая написана въ Библии. Въ библии нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, что до созданія человѣка землю постигали катастрофы и что развитіе жизни на землѣ совершалось какими то скачками и съ какими то перерывами. Все это постарались найти. Первую главу книги бытія начали объяснять такъ: „въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю“. Въ этихъ словахъ разумѣется полное и законченное твореніе. Далѣе говорится: „земля была безвидна и пуста“. Здѣсь, по мнѣнію толкователей для пониманія дѣла нужно вставить нѣкоторыя посредствующія положенія, что жизнь созданная на землѣ подверглась опустошенію и разрушенію. Первый текстъ кратко говоритъ о землѣ до катастрофы, со втораго начинается исторія земли послѣ послѣдней катастрофы (сколько бы катастрофъ раньше не было), исторія послѣдней эпохи, въ которую появился человѣкъ. Геологическая теорія, направившая мысль богослововъ на такое толкованіе, навела наиболѣе смѣлыхъ изъ нихъ даже на предположеніе о порчѣ текста, о томъ, что будто бы между первымъ и вторымъ текстомъ въ теперешнихъ библейскихъ кодексахъ пропущены слова, говорившія о паденіи ангеловъ и о возникновеніи разстройства въ природѣ. Но вотъ, во второй половинѣ XIX вѣка было выяснено и теперь геологами всѣхъ странъ и направленій безусловно признано, что теорія катастрофъ основывается на совершенно ошибочномъ истолкованіи фактовъ и стоитъ въ противорѣчій со всею совокупностью геологическихъ изысканій. Установили, что нѣтъ никакихъ основаній и никакихъ научныхъ побужденій предполагать въ прошедшемъ катастрофы болѣе гранді-

озная, чѣмъ какія происходятъ теперь. Геологія признала принципъ постепеннаго и послѣдовательнаго развитія. Богословы, воспѣшившіе съ своею теоріею соглашенія, такъ смѣло призвавшія на помощь фантазію для соглашенія библіи съ наукой, должны были почувствовать себя въ неловкомъ положеніи, потому что во всякомъ случаѣ новое геологическое ученіе оказалось болѣе приближающимся къ буквѣ священнаго текста, чѣмъ ихъ толкованіе этого текста.

Въ этомъ дѣлѣ были еще нѣкоторыя подробности. Геологи, развившіе теорію катастрофъ и потоповъ, начали утверждать, что *все* потопы были на землѣ раньше существованія на ней человѣка, и это утвержденіе причинило не мало хлопотъ богословамъ въ истолкованіи библейскаго потопа. Выступивъ противъ теоріи катастрофъ, новая геологія на первыхъ порахъ зашла очень далеко въ ихъ отрицаніи, были отвергнуты *все* потопы, и библейское повѣствованіе о потопѣ было отнесено въ область сагъ, не имѣющихъ для себя никакой реальной подкладки. Такъ было до восьмидесятихъ годовъ. Въ это время геологія, соединившись съ ассиріологіею (изслѣдованіе Павломъ Гауптомъ халдейской саги о потопѣ и геологическія работы Зюсса, затѣмъ работы Гоурта), установила, что въ основѣ библейскаго повѣствованія о потопѣ лежитъ несомнѣнный геологическій фактъ. Въ новѣйшихъ курсахъ геологіи обыкновенно отводятъ главу этому факту. Но это, конечно,—не послѣднее слово. Такого слова геологія не сказала доселѣ еще ни по одному изъ рѣшаемыхъ ею вопросовъ, и едвали кто изъ живущихъ теперь доживетъ до того, что услышитъ такое слово. Поставимъ себѣ вотъ какой вопросъ: во время этихъ смѣнъ геологическихъ воззрѣній, во время этихъ научныхъ смуть и волненій, когда для возникновенія Альпъ назначали то нѣсколько часовъ, то нѣсколько милліоновъ лѣтъ, какіе изъ богослововъ оказались наиболѣе мудрыми? Безъ сомнѣнія тѣ, которые наименѣе подчинялись давленію научныхъ гипотезъ, и тѣ, которые вѣрили наиболѣе просто, руководясь ближайшимъ пониманіемъ буквы Библіи, оказались наиболѣе правы.

Теперь другой фактъ. Равно сто лѣтъ въ космогоніи существуетъ гипотеза происхожденія солнечной системы пред-

ложенная Лапласомъ. По этой гипотезѣ на мѣсть нынѣшней солнечной системы нѣкогда былъ одинъ громадный шаръ, состоящій изъ раскаленной газообразной матеріи. При его вращеніи около своей оси центробѣжная сила преодолевала центростремительную, и вслѣдствіе этого отъ его экватора въ различные періоды (по мѣрѣ охлажденія и сжатія шара) отдѣлилось по кольцу, и изъ этихъ колецъ вслѣдствіе взаимнаго притяженія частицъ образовались планетные шары, у которыхъ тоже вслѣдствіе преобладанія центробѣжной силы отдѣлялись и образовывались кольца и изъ нихъ спутники. По этой гипотезѣ все вышло изъ солнца. Земля, это—дочь солнца, какъ луна—дочь земли. Эта гипотеза въ первую половину вѣка прочно утвердилась въ умахъ ученыхъ, и богословы приложили не мало стараній къ тому, чтобы примирить ее съ Библіею. Повѣствованіе Библии, что Господь сотворилъ солнце въ четвертый день, когда на землѣ уже были растенія, стали говорить богословы, вовсе ненужно понимать въ томъ смыслѣ, что дѣйствительно земля нѣкогда существовала безъ солнца и существовала ранѣе солнца. Нѣтъ; нужно понимать это иначе и проще. Земля въ первое время своего существованія была окутана густымъ непроницаемымъ слоемъ углекислоты, изъ которой тогдашняя роскошная растительность извлекала себѣ богатую пищу. Солнца тогда не было видно. Но вотъ составъ атмосферы измѣнился, она сдѣлалась болѣе прозрачною и для земли явилось солнце, о чемъ бытописатель повѣствуетъ какъ о событіи четвертаго дня. Богословы при этомъ не считали нужнымъ разсуждать о томъ, что согласно библейскому повѣствованію съ поверхности земли некому было смотрѣть на солнце и въ четвертый день, а для земли (атмосфера, вѣдь, принадлежитъ землѣ) солнце по гипотезѣ существовало и въ первые три дня. Со второй половины вѣка астрономія постоянно наталкивалась и наталкивается на факты, которые находятся въ противорѣчій съ космогоніею Лапласа, но долго ученые—не смотря еще и на то, что съ точки зрѣнія принциповъ механики теорія Лапласа вызывала серьезныя возраженія—не рѣшались отступать отъ традиціонной космогоніи, они дѣлали предположенія, что новыя факты—исключенія вслѣдствіе какихъ-либо неоткрытыхъ особенныхъ условій, что эти факты объяс-

няются, когда будутъ открыты эти условія, но исключенія умножались, и ссылки на неизвѣстныя условія теряли все болѣе и болѣе право на существованіе. Теперь гипотеза Лапласа (въ предложенномъ имъ видѣ) едва ли имѣетъ сторонниковъ, хотя всѣ отдають дань уваженія ей, какъ геніальному обобщенію и геніальному истолкованію фактовъ для своего времени. Вѣдь, всѣ факты солнечной системы во время Лапласа строго согласовались съ его теоріею (только кометы не подходили подъ его объясненіе, и онъ сдѣлалъ предположеніе, что они—пришельцы изъ иныхъ невѣдомыхъ міровъ). На основаніи теоріи можно было дѣлать предсказанія о новооткрытыхъ свѣтилахъ, въ какомъ направленіи должно быть ихъ движеніе и т. д. предсказаніе Лапласа о направленіи движенія планетъ и ихъ спутниковъ было потомъ подтверждено сотнями открытій (до открытія спутника у Нептуна, движеніе каковаго спутника оказалось обратнымъ предполагаемому). Точно также изъ теоріи вытекало, что всѣ малыя планеты въ солнечной системѣ находятся между Марсомъ и Юпитеромъ и—представьте—до августа 1898 года было открыто 434 малыя планеты и всѣ онѣ занимали на небѣ мѣсто указанное для нихъ Лапласомъ. Но пришелъ часъ, когда и въ области изслѣдованія малыя планеты произошло тоже, что случилось въ области изслѣдованія движенія планетныхъ спутниковъ. Новооткрытый фактъ оказался несогласующимся съ теоріею. Есть въ Берлинѣ на улицѣ инвалидовъ обсерваторія Уранія. Эта обсерваторія владѣетъ очень хорошимъ телескопомъ. Здѣсь 14 августа (2 по ст. ст.) 1898 г., въ этотъ телескопъ астрономомъ Виттомъ была открыта фотографическимъ путемъ новая 435 малая планета, названная Эросъ. Сущность фотографическаго способа изслѣдованія неба заключается въ слѣдующемъ. Телескопъ при помощи гигантскаго часоваго прибора вращается такъ, что онъ неизмѣнно остается направленнымъ на одинъ и тотъ же небесный пунктъ, онъ вращается, такъ сказать, въ унисонъ съ небомъ (вѣдь, небо говоря языкомъ Библии и общечеловѣческимъ вращается), фотографическая пластинка помѣщается въ полѣ зрѣнія телескопа отмѣчаетъ свѣтила находящіяся въ этомъ пунктѣ неба. Звѣзды на пластинкѣ всегда отмѣчаются какъ точки, но планеты и кометы проявляются на ней какъ черточки.

Это происходитъ отъ того, что планеты и кометы, участвуя въ общемъ суточномъ движеніи небеснаго свода, имѣють еще свое собственное движеніе около солнца и перемѣщаются между звѣздами. Непрерывное перемѣщеніе и даетъ линію. Исслѣдованіе легко показало, что свѣтило открытое Вяттомъ—не комета, слѣдовательно, оно было планетою. Въ моментъ открытія планета находилась въ созвѣздіи Водолея, по напряженности свѣта должна была быть отнесена къ свѣтиламъ одинадцатой величины. Ея координаты были слѣдующія: $AR=21^{\circ} 26' 32,6s$; $D=96^{\circ} 24' 21''$. Другой берлинскій астрономъ Берберикъ изучилъ элементы этой планеты и съ удивленіемъ констатировалъ, что она совершаетъ свое вращеніе около солнца въ 600 дней, приблизительно на 85 дней скорѣе, чѣмъ Марсъ, и такъ какъ періодъ обращенія планетъ около солнца тѣмъ болѣе великъ, чѣмъ долѣе онѣ отстоятъ отъ солнца, то слѣдовательно новая планета должна быть къ солнцу ближе, чѣмъ Марсъ и далѣе, чѣмъ земля; т. е. она находится между Марсомъ и землею. Большая полуось планетной орбиты DQ немного меньше большой полуоси Марса. Эксцентриситетъ ея весьма значителенъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ она должна такъ приближаться къ землѣ, что ея блескъ долженъ быть равенъ блеску звѣзды шестой величины. По теоріи Лапласа каждая планета съ своими спутниками образовывалась изъ особаго кольца, отдѣлявшагося отъ солнца, но одно изъ такихъ колецъ отдѣлившееся послѣ того, изъ котораго образовался Юпитеръ, распалось на массу мелкихъ тѣлъ—массу маленькихъ планетъ, изъ слѣдующаго кольца отдѣлившагося отъ солнца образовался Марсъ, изъ слѣдующаго земля—каждая планета со всѣми своими спутниками изъ одного кольца,—изъ чего же образовалась маленькая 435 планета? Космогонія Лапласа не можетъ дать отвѣта на этотъ вопросъ. Маленькая планета, открытіе которой вообще считаютъ очень важнымъ и дающимъ новый свѣтъ для представленія солнечной системы, есть новый фактъ, опровергающій лапласовскую систему и подтверждающій основные принципы новыхъ воззрѣній. Много уже въ теченіе полстолѣтія собралось открытій подтверждающихъ эти воззрѣнія, открытіе Эроса является новымъ и немаловажнымъ доводомъ въ ихъ пользу. Теперь предложено нѣсколько новыхъ космогоническихъ теорій, онѣ

различаются между собою въ подробностяхъ, но онѣ согласны между собою въ своей основѣ, и сущность ихъ всѣхъ заключается въ слѣдующемъ. На мѣстѣ нынѣшней солнечной системы находилась нѣкогда разрѣженная пылеобразная туманность, или—вѣрнѣе—вещество солнечной системы нѣкогда представляло собою разрѣженную туманность, такъ какъ мѣсто, которое занимала эта туманность въ пространствѣ было, разумѣется, совершенно инымъ, чѣмъ нынѣ (солнечная система имѣетъ собственное движеніе, она направляется теперь къ созвѣздію Лиры и Геркулеса). Въ различныхъ пунктахъ туманности образовались мѣстныя сгущенія вещества, изъ этихъ мѣстныхъ концентрацій образовались планеты. Изъ ближайшаго вещества къ этимъ планетамъ начали образовываться ихъ спутники. Образование планетъ имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что въ туманности явился центръ тяжести. Остатки пылеобразнаго вещества, не вошедшаго въ составъ планетъ и ихъ спутниковъ, устремились къ центру, и изъ нихъ возникло солнце. Очень только незначительное количество вещества ($\frac{1}{700}$) пошла на образованіе планетной системы, громадная часть туманной массы вошла въ составъ солнца. Образованія солнца происходило съ постепенностью и, какъ это ни странно, можно сказать не окончилось до сего дня. Дѣло въ томъ, что пылеобразное вещество при своемъ движеніи по направленію къ солнцу не всегда попадало въ сферу центральнаго притяженія, но въ значительномъ количествѣ уходило отъ солнца назадъ по удлинненнымъ эллипсисамъ, чтобы потомъ снова и еще ближе подойти къ солнцу и т. д., пока наконецъ приближающееся вещество не вступитъ въ сферу центральнаго притяженія и не упадетъ на солнце. Кометы и падающія звѣзды, это—остатки того первичнаго вещества, изъ котораго образовался солнечный міръ, это—матеріаль, который рано или поздно также пойдетъ на постройку солнца, а отчасти и планетъ. Интересный пунктъ для богослова въ этихъ новыхъ космогоническихъ ученіяхъ, которыя стали появляться съ половины восьмидесятыхъ годовъ, это—тотъ, что по нимъ не солнце явилось на свѣтъ раньше земли, а земля раньше солнца, дитя оказывается старше своей кормилицы. Это утвержденіе старшинства земли надъ солнцемъ во всякомъ случаѣ согласуется съ непосредственнымъ смы-

сломя буквы библіи. Какъ же должны теперь чувствовать себя тѣ богословы, которые хотѣли смыслъ повѣствованія библіи приспособить къ космогоніи Лапласа и подъ давленіемъ авторитета послѣдней отказывались понимать ясный смыслъ первой?

Въ послѣдній годъ астрономія должна занести въ свои лѣтописи еще одно открытіе, которое вызываетъ сильныя недоумѣнія и наводитъ на глубокія думы. Открытіе это сдѣлано ликскою обсерваторіею въ Калифорніи и пулковскою близъ Петербурга. Согласія наблюденій двухъ обсерваторій устраняетъ возможность заблужденія. Наблюденія ихъ заключались въ томъ, что звѣзда третьей величины въ созвѣздіи Пегаса въ теченіе 1897 г. двигалась по направленію къ землѣ, а въ 1898 г. стала двигаться по направленію отъ земли, причемъ ея скорость, когда она приближалась къ нашей системѣ, равнялась $4\frac{1}{2}$ километрамъ въ секунду, теперь она удаляется отъ насъ со скоростью $16\frac{1}{2}$ километровъ въ секунду. Методъ, при помощи котораго опредѣляютъ направленіе и быстроту движенія такъ называемыхъ неподвижныхъ звѣздъ, называется спектроскопическимъ. При помощи непосредственныхъ и телескопическихъ наблюденій собственное движеніе нѣкоторыхъ неподвижныхъ звѣздъ удалось констатировать только въ тысячелѣтія и столѣтія, но спектроскопическій анализъ далъ въ послѣдніе годы средства въпросъ о движеніи звѣздъ и направленіи движенія рѣшать не въ тысячелѣтія и столѣтія, а въ часы и минуты. Если солнечный лучъ принять на трехгранную стеклянную призму, то онъ даетъ семицвѣтный спектръ. Если мы отбросимъ этотъ спектръ на экранъ не при помощи простой призмы, а при помощи возможно усовершенствованнаго инструмента (спектроскопа), то мы найдемъ, что въ цвѣтныхъ полосахъ спектра проходитъ множество тонкихъ черныхъ полосокъ. Онѣ называются фрауэнгоферовыми линіями. По этимъ линіямъ и ихъ положенію въ спектрѣ опредѣляютъ химическій составъ свѣтила (солнца, звѣздъ), отъ котораго полученъ спектръ. Если тѣло, спектръ котораго мы изслѣдуемъ, находится въ движеніи, то для насъ его фрауэнгоферовы линіи должны казаться перемѣщенными: при приближеніи тѣла онѣ передвигаются къ фіолетовому концу, при удаленіи—къ красному. По величинѣ этого перемѣщенія можно

опредѣлить скорость приближенія или удаленія свѣтила. Такой методъ. Что онъ точенъ, это безспорно. Что на практикѣ онъ вызываетъ большія затрудненія (чрезвычайная сложность и мелкость измѣреній), требуетъ громаднаго искусства и опытности, это скажетъ всякій знакомый съ дѣломъ. Согласіе наблюденій въ разныхъ обсерваторіяхъ служитъ лучшимъ доказательствомъ, что эти трудности преодолены съ успѣхомъ. Какой же смыслъ новыхъ открытій добытыхъ при помощи этого метода? Они, по нашему представленію, колеблютъ тѣ ученія небесной механики, начало которымъ далъ Коперникъ, продолжили которыя Кеплеръ и Галилей и закончилъ Ньютонъ, они являются намъ фактами несогласными съ теоріей всемірнаго тяготѣнія установленной Ньютономъ. Открыли, что 1830 звѣзда Грумбриджа (въ созвѣздіи Большой Медвѣдицы) движется со скоростью 300 километровъ въ секунду, такая скорость дѣлаетъ невозможнымъ притягивающее вліяніе на нее со стороны другихъ свѣтилъ она находится внѣ сферы всемірнаго тяготѣнія. Н. Пегаса, мы видимъ, измѣнила свое направленіе и скорость. Что могло быть причиною этого измѣненія? Отъ астрономіи, съ точки зрѣнія Ньютоновскихъ принциповъ, не могла бы укрыться эта причина, однако она ненайдена, ее невидно и о ней трудно составлять предположенія. Одно только предположеніе настойчиво навязывается уму, что наша вѣра въ безусловную всеобщность и истинность принциповъ новой астрономіи должна быть отвергнута. Но если такъ, то не подходимъ ли мы съ нѣкоторымъ новымъ свѣтомъ къ тому старому пункту, гдѣ нѣкогда пришли въ столкновеніе система Коперника и Библія. И если Библія точно описываетъ то, что кажется, то система Коперника (разумѣю: въ законченномъ и усовершенномъ видѣ, ибо у самаго Коперника она является въ видѣ несовершенномъ) правдиво ли представляетъ то, что есть? И наконецъ, вообще не правы ли богословы въ своемъ скептическомъ отношеніи къ доктринѣ капоника изъ Торна, къ различнымъ новымъ ученіямъ? Новыя ученія возникаютъ ежедневно, и истина въ представленіи легкомысленныхъ людей мѣняетъ свое лицо каждый день. Но истина вѣчна и неизмѣнна. Такою ее мы находимъ въ Библіи и, принимая библейское повѣствованіе такъ, какъ оно представляется непосредственно здравому смыслу, мы

гораздо менѣе рискуемъ впасть въ заблужденіе, чѣмъ если мы будемъ читать ее при свѣтѣ новыхъ научныхъ предположеній и доктринъ.

Я говорилъ теперь только объ ученіяхъ имѣющихъ теоретическій характеръ, которыя далеко отстоятъ отъ жизни и практическихъ примѣненій, но исторія знаетъ возникновеніе и такихъ ученій, которыя имѣли глубоко развращающее вліяніе, потому что оправдывали зло, и съ которыми однако своеобразные экзегеты пытались соглашать ученіе Библии. Таковъ полигенизмъ—ученіе о томъ, что различныя человѣческія расы произошли отъ различныхъ родоначальниковъ. Нѣкогда Вольтеръ говорилъ: только слѣпой можетъ не видѣть, что негръ и европеецъ не могутъ происходить отъ общаго предка, и еще ранѣе Вольтера нѣкоторые богословы стали утверждать, что библія учитъ о происхожденіи отъ Адама одной бѣлой расы, что въ первой и второй главахъ книги Бытія говорится о твореніи различныхъ человѣческихъ родоначальниковъ. Полигенистическая теорія дала научное оправданіе рабства, и американцы прямо утверждали на немъ свою безчеловѣчную эксплуатацію негровъ. Плантаторъ билъ негровъ бичемъ, считая ихъ хуже скотовъ безсловесныхъ. Чѣмъ отвѣчала Библія на подобную дикую расправу? Притчей о милосердомъ самарянѣ. Что говорятъ ученые нашихъ дней обо основаніяхъ полигенизма? Что эти основанія—безусловно несостоятельны, что физическія различія человѣческихъ расъ суть слѣдствіе различія условій жизни, и что эти различія могутъ идти гораздо далѣе, хотя бы всѣ люди произошли отъ одного общаго предка. Ни одинъ ученый теперь не станетъ оспаривать справедливости этого положенія.

Таковы факты. Они предостерегаютъ насъ отъ увлеченія вѣтромъ новыхъ ученій, отъ легкомысленныхъ уступокъ. побуждаютъ насъ твердо держаться того, что предано намъ. Они даютъ намъ твердое убѣжденіе, что и конфликтъ между вѣрою и наукою въ той формѣ и по тѣмъ пунктамъ, по которымъ онъ существуетъ теперь (въ естествознаніи и исторіи), исчезнетъ въ будущемъ, но, сознаюсь, они не даютъ увѣренности, что не явится новыхъ ученій, которыя въ глазахъ человѣческихъ примутъ подобіе истины и которыя будутъ стоять въ противорѣчій съ вѣрою. Апостоль сказалъ

коринтянамъ: „надлежитъ быть и разномыслиямъ между вами“ (1 Коринѳ. XI, 18). Если надлежало быть разномыслиямъ между коринтянами, то тѣмъ болѣе, конечно имъ надлежитъ быть во всемъ родѣ человѣческомъ. Эти разномыслия, недоумѣнія, сомнѣнія найдутъ себѣ полное разрѣшеніе только на небѣ. Но обязанность, которую мы приняли на себя, дѣло, которому мы рѣшились служить, состоитъ въ томъ, чтобы уменьшать разномыслия и заблужденія на землѣ. Будемъ дружно и усердно служить этому святому дѣлу!

С. Глаголевъ.
